

Таким образом, деятельность православных иерархов, направленная против использования в практике церковной жизни польского языка, неизбежно вела к возвращению белорусского, что являлось важным фактором на пути развития национального самосознания белорусов.

Литература и источники

1. РГИА. Ф. 821. Оп. 1. Д. 9. Л. 166 на об. Переписка с Синодом, Канцелярией обер-прокурора Синода и других учреждений по вопросу о привлечении к православию бывших униатов Западного края, исповедающих католичество.
2. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 58. Л. 15. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1862 год.
3. РГИА. Ф. 796. Оп. 114. Д. 102. Л. 1. По рапорту Преосвященного Полоцкого о разных обстоятельствах обративших его внимание при обозрении церквей.
4. Теплова, В.А. *Время Николая I и цивилизационный поворот в судьбе Беларуси* / В.А. Теплова // *Россия и Беларусь: от века XIX к веку XXI*. – Брест: УО «Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина», 2004. С.35–46.
5. Бобровский, П.О. *Русская Греко-Униатская церковь в царствование императора Александра I. Историческое исследование по архивным документам П.О. Бобровского. С приложением алфавитных указателей имен и предметов* / П.О. Бобровский. – Санкт-Петербург : тип. В.С.Балашева, 1890. – С. 359.
6. РГИА Ф. 797. Оп. 9. Д. 25676. Л. 149, фотокопия. О Высочайше утвержденных мерах к устранению в Западных губерниях совращений из православия в римский обряд.
7. НИАБ. Ф. 2617. Оп. 1. Д. 69. Дело по указам Белорусской греко-униатской, затем Полоцкой православной духовной консисторий о чтении проповедей в праздничные и воскресные дни на понятном для простого народа языке.

8. НИАБ. Ф. 2617. Оп.1. Д. 69. Л.12–13 об. Указ Его Императорского величества Самодержца Всероссийского из Полоцкой Духовной Консистории Присутствующему оной Благодинному Монастырей Архимандриту и Кавалеру Филарету.

9. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 58. Л. 89 на об. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1862 год.

10. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1350. Л. 51 на об. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1890 год.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И. СЕМАШКО КАК ИСТОЧНИК СТИЛЕВОГО СИНТЕЗА В ПРАВОСЛАВНОЙ АРХИТЕКТУРЕ БЕЛАРУСИ

*Лаврецкий Г.А., Лаврецкий Н.Г.
(Минск, Беларусь)*

Православная архитектура на территории Беларуси на всех этапах своего развития демонстрировала уникальный опыт синтеза стилей. Так, в XI–XII вв. появились образцы композиционных и колористических приемов разных школ балканского зодчества, соединенных с местными традициями (Борисоглебская ц. в Гродно и Благовещенская ц. в Витебске). Впоследствии, на основе творческого переосмысления образцов византийской строительной культуры сформировались местные школы зодчества. В XIV–XVI вв. храмы белорусской готики (церковь Архистратига Михаила в Сынковичах, церковь Рождества Богородицы в Мурованке, Борисоглебская церковь в Супрасле и др.) стали яркими примерами соединения западноевропейских архитектурных элементов и отечественных православных традиций, наполнив композиционное решение церковей новым символическим содержанием. Храмы Могилева, Гомеля, Минска, Полоцка в XVII – нач. XIX в. показали широчайшие возможности православной архи-

тектурной мысли, гармонично соединяющей европейскую стилистику и отечественный опыт. Если православная архитектура этого времени развивалась в условиях воплощения идеи синтеза стилей в европейском государстве, когда во внешнем облике церквей появились несвойственные для «канона» объемно-пространственная композиция (2-хбашенность, использование правил античных ордоров и др.), то 2 треть XIX в. стала временем освоения опыта в решении новой сложнейшей проблемы – преобразования композиции уже сложившихся, построенных униатских, католических и протестантских храмов.

В нач. 1830-х гг., русское правительство обратило особое внимание на ослабление польского влияния и утверждение здесь твердых позиций русской культуры. Тогда именно Николай I стал «ревнивым покровителем православия и русской народности и главнейшим деятелем по восстановлению православия в Северо-Западном крае». Продолжением политики возвращения «Северо-Западного края» в лоно Православия явился Соборный Акт, подписанный в начале февраля 1839 г. В Полоцке по инициативе архиепископа Иосифа Семашко, законодательно подтвержденный Синодом (постановление «О принятии греко-униатской церкви в полное и совершенное общение святыя православно-католические восточныя церкви в нераздельный состав Церкви Российския») [4, с. 341].

По его утверждению, это стало следствием желания народа «принадлежать к прародительской вере». Воссоединение униатов с православной церковью по мнению историков того времени, было обусловлено тем, что «коренное население в западной Руси есть русское, однородное с населением других частей России [1, с. 109].

Новый этап строительства православных храмов и перестройки костелов и кирх в церкви происходил в русле западноевропейских тенденций в понимании исторической значимости архитектуры в процессе роста самосознания. Началось время историзма и стилиза-

торства в архитектуре. По поводу формирования новых подходов в методике проектирования один из ведущих теоретиков II-й пол. XIX в. А. Красовский писал: «Одних прельщает оконченность готического стиля, другие, напротив, довольны тем, что византийский стиль в средние века не успел совершенно развиться, что он оставлен в зародыше, и что, следовательно, нашей собственной деятельности остается поле для творчества и для усовершенствования тех начатков» [2, с. 261].

Поэтому, когда встал вопрос каким путем должно пойти развитие российской православной архитектуры, стало очевидно, что на новом этапе необходимо не только «цитировать» элементы памятников XII–XVI вв. Возрождение должно продолжить творческие начинания XVII вв.– времени, когда была прервана истинно русская церковно-строительная традиция.

В Северо-Западном крае была особенность, которая усложняла поставленную задачу. Необходимо было учесть, что многие из перестраиваемых сооружений являлись ценными образцами историко-архитектурного наследия. Интерес к отечественной культуре, особенно к допетровской, воплотился в многочисленных экспедициях, ставивших целью изучение памятников древней архитектуры. В 1837 г. по белорусским губерниям были разосланы предписания, в соответствии с которыми местным властям было предписано сообщить о существовании исторически ценных зданиях «и вообще о необходимых древностях».

Еще до воплощения идей И.Семашко в белорусских губерниях были примеры перехода униатских приходов в православие. Так, Богоявленская ц. в имении Селец Логойского уезда, возведенная в 1752 г. жмудским епископом А. Тышкевичем, в 1834 г. поступила в ведение православного духовенства, а в 1845 г. стала приходской [1, с. 410]. В 1840-х гг. активизировался процесс возврата православных святынь, перестроенных ранее в католические и униатские храмы. Так Спасо-Евфросиниевская церковь в Полоцке, до неузнаваемости пере-

строенная иезуитами, Благовещенская церковь в Витебске, перестроенная униатами, стали образцами нового этапа в освоении выразительных форм из арсенала древнерусского архитектурного наследия.

Процесс перестройки костелов и униатских храмов в формах древнерусского зодчества продолжился и активизировался в 1860-х гг. Однако по сравнению с 1830-40-ми гг. это были намного более значительные и капитальные перестройки, порой до неузнаваемости изменявшие композицию памятников (Фара Витовта в Гродно). Необходимо отметить, что храмы, перестроенные в соответствии с постановлениями во времена И. Семашко, в дальнейшем не претерпевали значительных переделок.

Но во многих случаях осознание ценности исторической основы дало возможность создать интересные синтезированные структуры. Спасо-Преображенская церковь в Ракове, Воложинского района построена в 1793 г. как храм униатского монастыря на средства прихожан, князя Сангушки и членов раковского братства святой Анны. В 1866 г. переосвящен в православную церковь. Представляет собой однонефную композицию с вытянутой полукруглой апсидой с ризницей. После ремонтов 1877 и 1884 гг. барочная в своей основе церковь приобрела черты ретроспективно-русского стиля (массивный граненый барабан с граненым сферическим куполом с главкой, маковка над алтарной частью).

Храм Успения Пресвятой Богородицы в д. Новый Свержень построен на месте явления образа Матери Божией. Сначала это была деревянная церковь, а в 1743 г. князем Михаилом Радзивиллом был основан базилианский монастырь (упразднен в 1833 г.). Именно тогда архитектурный облик храма приобрел протестантский характер, который церковь сохранила до наших дней. В этот период и возводится барочное завершение колокольни, примыкающей к главному фасаду. Подобная форма завершения башни была широко распространена в соседних землях, входивших до определенного периода в

состав Речи Посполитой. Купол в нач. XX в. был сильно деформирован. Восстановлен в 2015 г.

Толерантное отношение к памятникам архитектуры (хотя и католических) привело к тому, что на главных площадях белорусских городов рядом с нетронутыми костелами стали появляться церкви, построенные по «нормальным чертежам» (т.е. типовым проектам), утвержденным Синодом, либо разработанные специально, для конкретного места. Таким образом, идея синтеза нашла свою реализацию в градостроительном аспекте. Теперь силуэт городов стал намного более интересным и акцентированным новой высотной доминантой. А планировка центральной части городов более организованной и совершенной. Внедрение архитектурных форм, заимствованных из древнерусского зодчества XVII в., безусловно, сделало характер белорусских городов намного более разнообразным и интересным. В отношении же деревянной народной церковной архитектуры можно утверждать, что архитектурные дополнения, вызванные Соборным Актом 1839 г. принципиально не изменили объемно-пространственной композиции церквей, более того, во многих случаях стали органичной составляющей синтезированных стилистических структур.

Поэтому сегодня, когда встает вопрос о реставрации памятника культового зодчества, необходимо помнить, что кроме политической подоплеки каждого конкретного решения, необходимо руководствоваться и более глубокими культурологическими и научно-реставрационными принципами. Каждое стилистическое наслоение стало неотъемлемой частью белорусских памятников. Сохранение этих наслоений значительно обогащает наше понимание и восприятие отечественной истории.

Литература и источники

1. Россия. Полное географическое описание нашего отечества: Настольная и дорожная книга для русских людей. В 19-ти т. Т.9 / Под ред. В.П. Семенова. – Санкт-Петербург, 1905. – 620 с.

2. Красовский, А. Гражданская архитектура. Части зданий. / А. Красовский. – Санкт-Петербург, 1851. – 463 с.
3. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 51901. – Л.2.
4. Батюшков, П.Н. Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо – Западного края / П.Н. Батюшков – Санкт-Петербург : Типография товарищества «Общественная польза», 1890. – 640 с.

ПРЕДПОСЫЛКИ УПРАЗДНЕНИЯ УНИИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1839 ГОДУ

*Протоиерей Александр Романчук
(Минск, Беларусь)*

Упразднение Брестской церковной унии, произошедшее на Полоцком Соборе 1839 г., представляет собой масштабное историческое событие, далеко выходящее по своему значению за рамки исключительно церковной истории белорусско-украинско-литовских земель. Оно стало результатом сложного взаимодействия разнородных факторов и имело несколько предпосылок. В православной и католической историографиях неоднократно предпринимались попытки определения причин и условий разрыва Брестской унии на территории Российской империи. Однако их выявление и научное осмысление еще далеки от завершения из-за сложности проблемы, обширности и противоречивости исторических источников, а также в силу того, что историки занимают слишком разные конфессиональные, общественно-политические и этнокультурные позиции. Учитывая то, что последствия Полоцкого Собора продолжают влиять на современное общество в Беларуси и на Украине, комплексное рассмотрение предпосылок, приведших к отказу части Белорусско-Украинской Церкви от союза с Римом продолжает оставаться актуальным.

Прекращению действия Брестской церковной унии на территории Российской империи в 1839 г. способствовало соединенное действие изменяющихся во времени объективных и субъективных составляющих. Среди них в исторической литературе, как наиболее значимые, выделяются следующие: 1) конфессиональная политика правительства России на присоединенных от Речи Посполитой землях [напр.: 37]; 2) тенденции, развивавшиеся внутри Униатской Церкви под воздействием Католической Церкви латинского обряда [напр.: 3]. Представляется, что переплетение этих факторов и процессов и породило предпосылки упразднения Униатской Церкви в 1839 г.

На землях, отошедших к Российской империи в результате разделов Речи Посполитой, проживало от 4 до 5 миллионов униатов, что составляло примерно 60 % от всех членов Униатской Церкви, созданной на Брестском Соборе 1596 г.¹ В современной историографии прочно утвердилось мнение, согласно которому судьба униатов, ставших русскими подданными, целиком и полностью зависела от воли российских монархов, покровительствовавших Православной Церкви и проявлявших нетолерантность по отношению к Католицизму вообще и к Католицизму восточного обряда в частности [напр.: 40, с. 119]. Считается, что нетолерантность Петербурга, лишь иногда из политических соображений намеренно ослабляемая, стала главной причиной волны воссоединения униатов с православными в 1794–1795 гг. и окончательного упразднения Униатской Церкви в 1839 г. [напр.: 13].

С этим трудно, да и не нужно спорить. На имеющемся историческом материале невозможно доказать обратное. Без сомнения, российские императоры в своих представлениях о значении религии для государственного строительства ничем не отличались от великоли-

¹ Около 1772 г. католическая церковь восточного обряда в Речи Посполитой насчитывала 9452 прихода. В результате 3-х разделов Польши 1772–1795 гг. от 5600 до 6052 приходов (точно неизвестно) оказались на территории Российской империи [41, с. 21, 23].